

Цикл
Александра Калмыкова
НА ПУТИ «ТАЙФУНА»

На пути «Тайфуна»
А теперь на Запад

Александр Калмыков

**А ТЕПЕРЬ
НА ЗАПАД**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

К17

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 126

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К17 Калмыков, Александр Владимирович

На пути «Тайфуна»: А теперь на Запад: роман / Александр Калмыков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-106935-3

Батальон, в котором служит Соколов, направляют на второстепенный участок фронта, роту попаданца приказано держать в тылу и ни в коем случае не пускать на передовую. Однако судьба распоряжается иначе, ведь за ним охотятся все разведки мира, а немецкое командование уничтожает всех свидетелей, знавших о русском госте из будущего. Сложный клубок противостояния разведок и контрразведки, где центром притяжения является Соколов. Да и на фронте дело поворачивается так, что батальон попадает в окружение...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106935-3

© Александр Калмыков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Лейтенант Эрих Браун не без оснований считал себя везучим человеком. Удача сопутствовала ему с самого рождения, так как мальчику повезло появиться на свет в обеспеченной семье. Очень тяжелые для Германии двадцатые годы пролетели для Эриха весело и беззаботно, а среднее образование он смог получить очень даже неплохое. Потом, когда его призвали на военную службу, Браун вызвался добровольцем в соискатели звания офицера резерва. Срок службы от этого почти не увеличился, зато Браун занял командную должность, достойную отпрыска из хорошей семьи.

Когда в 1939 году Гитлер без труда проглотил Польшу, западные страны забились в норы, как мыши, и возмущенно пищали оттуда, не смея высунуть носа. Стало ясно, что нарождается новая великая империя, лучшие места в которой займут те, кто ее создавал. Сообразив, куда дует ветер, Браун бросил университет, в котором успел проучиться только два курса, и поступил на военную службу. Его расчет оказался верным. Германская армия провела ряд молниеносных и очень успешных войн, и офицеры, участвовавшие в них с самого начала, могли рассчитывать на повышение. Ну а всем остальным от военной службы все равно было не увильнуть.

Все так и получилось, как он рассчитывал. Правда, молодой лейтенант попал во второсортную 256-ю дивизию, сформированную из подразделений дополнительного призыва. Она была укомплектована солдатами старшего возраста — от тридцати до сорока лет, и предназначалась для гарнизонной службы. Но тем не менее даже воинское соединение с великовозрастными призывниками оказалось очень скоро востребовано. В 1940 году Браун вместе со своей дивизией совершил увлекательное путешествие по Голландии и Франции. Ну, а получивших боевой опыт солдат уже гарантированно посылали на фронт в первых рядах, а там для храбрых всегда имелась возможность отличиться.

Впрочем, подвиги Брауна не очень привлекали. Хотя трусом он не был, но ему было важнее дожить до окончательной победы, чтобы насладиться ее плодами. Поэтому, получив предложение стать заместителем адъютанта батальона, он ни секунды не колебался. Это не должность, а мечта для молодого карьериста. Командир, который может по достоинству оценить твоё старание, всегда рядом, а в атаку ходить не нужно. Время от времени приходится немного рисковать, выполняя поручения на передовой, но начальство своевременно узнает об этом и мысленно ставит исполнителю и отважному подчиненному еще один плюсики. А уже через год командующий дивизией перевел подающего надежды лейтенанта в свою штабную роту.

Так что можно сказать, что жизнь удалась. А останься он в университете, то студента Эриха все равно бы призвали, не дав доучиться. Только пришлось бы тогда Брауну довольствоваться вторыми ролями. Впрочем, это еще не самое плохое. Гораздо хуже, если бы он попал в несчастную 102-ю дивизию, сформированную как раз в его родном Бреслау.

Что там с ней случилось, достоверно было неизвестно. Из всего штаба удалось спастись только картографическому отделению и паре человек из взвода военной полиции, которым повезло оказаться далеко от места прорыва русских. Насколько удалось выяснить, часть штабного персонала погибла во время артобстрела, после которого никто не уцелел. Другие служащие штабной роты отправились подготавливать новый командный пункт, но попали в окружение и, скорее всего, захвачены в плен. И еще неизвестно, чья судьба была страшнее, погибших или пленных.

Еще раз судьба улыбнулась Эриху, когда в штаб дивизии пришел запрос о наличии офицеров, владеющих английским языком. Приняв решение о проведении переговоров, командующий не стал тратить время на поиски хорошего лингвиста и послал лейтенанта, который имелся у него под рукой.

После освобождения трехсот пленных, в основном солдат из недавно разгромленной 251-й дивизии, лейтенанта вызвали к командующему корпусом генералу Шуберту для вручения награды. Особой заслуги в том, что он сделал, Браун не видел и потому решил, что речь идет о кресте «За военные заслуги» 2-го класса, который в Германии раздавали буквально кому попало — от маленьких детей до пожилых старушек. Максимум же, на что переводчик мог рассчитывать, это на получение ордена «За военные заслуги» с мечами 1-го класса. Он полагался тыловикам, проявившим похвальное служебное мужество и рвение. Однако генерал торжественно вручил обалдевшему лейтенанту «Железный крест». Эта награда была боевой, за храбрость и героизм, и просто так ее не давали.

В чем тут дело, сослуживцы долго не гадали. Наверняка среди спасенных пленных был родственник какой-нибудь высокопоставленной «шишки»,

донельзя обрадованной тем, что его чадо осталось в живых. Ведь вполне вероятно, что он мог погибнуть в ужасной Сибири, куда, как известно, ссылают пленных. Впрочем, самого лейтенанта никто не упрекал. Да и какие могут быть претензии, ведь чтобы отправиться прямо в пасть к комиссарам, надо иметь немалое мужество.

Впрочем, большинство выживших офицеров дивизии тоже получили награды. В отличие от других участков фронта, где соединения вермахта преследовали неудачи, здесь дела обстояли более-менее успешно. По крайней мере, была выполнена задача-минимум, а именно сорвано наступление большевиков на Великие Луки. О том, что вражескую группировку вообще-то требовалось окружить, уже не вспоминали. Да, такой приказ получали, но там было ясно сказано, что наступление проводить во взаимодействии с соединениями группы армий «Север». А раз фон Лееб не смог предоставить для операции ни одного полка, то тут уже ничего не поделаешь. Тот факт, что от Лееба требовалось продвинуться на юг всего на десять километров, а остальные сорок километров навстречу ему должны были пройти дивизии группы «Центр», было мелочью, не стоившей обсуждения. Да и сами посудите, ведь в Торопецком выступе находилось три армии красных. Только подумайте, целых три армии. Ну пусть не целые, но во всяком случае половина 29-й, большая часть 22-й и вновь сформированная 4-я. Неудивительно, что они легко смогли остановить наступление, ведь против них бросили только две германские дивизии. Впрочем, в последнее время начальник штаба начинал морщиться, когда в его присутствии упоминали о 4-й армии русских, и почему-то переводил разговор на другую тему.

Еще одна удача, выпавшая Эриху, это то, что, несмотря на канун наступления, он получил двухнедель-

ный отпуск. Сполна оценить свое везение Браун смог, когда вернулся обратно уже после окончания боев.

Потери дивизии по меркам вермахта, избалованного легкой прогулкой по Европе, были не просто большими, а просто жуткими. В основном, конечно, их несли боевые подразделения, но и тыловикам тоже доставалось от советской артиллерии. Хорошо еще, что основную тяжесть боев приняла на себя 5-я танковая дивизия. Там количество убитых и раненых составляло больше половины личного состава.

О том, что происходило в его отсутствие, Брауну круглыми от ужаса глазами рассказали сослуживцы. Впрочем, проезжая по местам недавних сражений, он и сам видел многочисленные линии окопов, доведенные до состояния лунного пейзажа. Почти у каждой такой изуродованной траншеи находилось кладбище, усеянное свежими крестами с нахлобученными на них немецкими касками. Другие захоронения, поменьше, располагались там, где тыловые части были внезапно застигнуты артиллерийским огнем. К счастью, таких было не очень много. Разведка и служба корректировки у русских были налажены из рук вон плохо, а немногочисленные бомбардировщики появлялись редко. Но все-таки, каждый раз проезжая мимо свежих могил, лейтенант вспоминал о своем везении. Если бы его тогда не послали на переговоры, то вполне возможно, он получил бы не железный крест, а березовый.

Жаль, правда, что домой лейтенанту попасть так и не удалось. Но это еще как посмотреть. Чтобы совместить приятное с полезным, Брауну поручили передать пакет с документами в Берлин, а затем остаться там до конца отпуска.

Единственное, что несколько омрачало пребывание в блистательной столице рейха, это частые «беседы» в абвере. Разговаривал с ним каждый раз один

и тот же майор — очень вежливый, но с неизменной злой улыбкой, не сходившей с лица. Тема для беседы была всегда одна и та же, а именно: как выглядел тот русский офицер, каким тоном он говорил и что именно. Это сначала удивляло Брауна, ведь он уже обо всем рассказывал, а теперь, спустя несколько дней, воспоминания уже поблекли. Но допрос велся в высшей степени профессионально, и лейтенант смог припомнить столько подробностей, что даже сам удивлялся своей необычной памяти.

За плодотворное сотрудничество и в качестве компенсации за потерянное время Брауну вручили великолепные подарки, которыми он сейчас щедро делился с сослуживцами. Эрих привез из столицы не только приятно позвякивающий портфель с ароматной продукцией французских виноделов, но и кое-что более ценное. Натуральный кофе, то ли из довоенных запасов, то ли контрабандный, котировался сейчас гораздо выше любых напитков.

Вернувшись к месту службы и узнав, какой ценой досталось продвижение на два десятка километров, Эрих пребывал в шоке. В газетах происходящее на фронте описывалось в самых радужных тонах — враг бежит, русские толпами сдаются в плен, а трофеи не успевают подсчитывать. А тут, оказывается, была настоящая бойня. Заходившие по служебным делам или просто на чашечку кофе офицеры, а также унтеры, с которыми демократичный Браун не чурался общаться на равных, поведали душераздирающие подробности кошмарного наступления.

Больше всего выжившие в этом аду любили рассказывать об ужасном танковом прорыве, случившемся в «пятницу тринадцатого». Когда лейтенант вежливо указывал на календарь, где 13 сентября значилось субботой, доморощенные нумерологи, вдруг став-

шие на этой неправильной войне очень суеверными, снисходительно объясняли, что это еще хуже. В ту страшную ночь русские начали контратаку как раз в полночь, когда пятницу сменяет тринадцатое число. Сначала все шло хорошо, но потом из оврага, заполненного непроходимой грязью, вдруг вынырнуло не меньше десятка новейших советских танков, которые стали обстреливать наступающих с фланга. Хорошо еще, что наши успели вовремя выставить дымовую завесу, только это и спасло остатки атакующих. Но и потом самые неугомонные русские, пользуясь темнотой, подъезжали к немецким позициям и, зацепив тросами уцелевшие пантеры, утаскивали их к себе в тыл вместе со всем экипажем. Самое ужасное, что броня у вражеских машин была совершенно неуязвимой, и ее не могли пробить даже гаубичные снаряды.

Впрочем, один из собеседников Брауна — лейтенант Эйзель, служивший в артиллерийском полку, снисходительно посмеялся над этими сказками.

— Уже давно замечено, что при прорыве русских танков их количество преувеличивают раза в два или три. Так что максимум, что там было — это четыре «пантера». Да сами посудите, будь у Советов на этом участке десятков новейших машин, они бы раскатали нас в тонкую лепешку. Ну, во всяком случае, постарались бы это сделать, и тогда у наших окопов осталось бы гореть несколько вражеских танков.

Уважительно кивая собеседнику, Браун спросил, правда ли, что броню Т-34 не берет даже гаубичный снаряд.

— Конечно, не берет, — весело фыркнул Эйзель, едва не разлив при этом драгоценный кофе. — Ведь чтобы пробить броню, надо сначала в нее попасть. А из гаубицы, стреляющей с закрытой позиции, сделать это практически невозможно. Вот если бы танки прорвались через передовую и подъехали к ним поближе, то

прямой наводкой тяжелые орудия разметали бы их в клочья. К слову, русские это нам несколько раз продемонстрировали. Их гаубицы, лупившие по танкам, показали неплохую результативность. Кстати, в том числе и трофейные 105-мм.

— Откуда они их взяли? — ужаснулся Браун.

— То есть как откуда? — удивился артиллерист. — От 102-й пехотной ничего не осталось, да и 251-я дивизия бежала, сверкая пятками. Как вы думаете, куда подевалось все их вооружение?

— Но как же... но ведь нам же объявили, что наши солдаты держались до последнего, пока не были эвакуированы раненые и вся техника.

— Ну, скажем, раненых вы сами и эвакуировали из советского плена. Нетрудно догадаться, что если там не смогли вовремя вывезти в тыл людей, то что уж говорить о тяжелой артиллерии.

Еще одной любимой темой для разговоров была «дорога в бездну». Якобы самый обычный на вид асфальт оказался коварной ловушкой, и захавшая на него автоколонна вдруг рухнула в бездонную трясину. Правда, никто из собеседников не был очевидцем этого события, но Брауна ознакомили с циркуляром, предписывающим на всех незнакомых дорогах проверять прочность дорожного полотна. Однажды он даже увидел, как саперы, идущие перед колонной тягачей с орудиями, не только обшаривают дорогу миноискателями, но и старательно подпрыгивают, чтобы убедиться в отсутствии трясины. Вид у них при этом был виноватый — мол, сами понимаем абсурдность приказа, но приходится его выполнять.

Подробности другой таинственной истории, о зенитном сверхоружии русских, Брауну поведал знакомый из роты обеспечения, которому приходилось взаимодействовать со службой снабжения авиационного полка. Продукты питания поставлялись всем

централизованно, но ведь одно дело банальные консервы, и совсем другое свежие яйца, молоко и мясо, которые можно было реквизирировать у местного населения. Снабженцы авиаторов, которых перебросили сюда недавно, еще не освоились в этой местности, и командир дивизии приказал подкормить летчиков, от которых в значительной степени зависело выполнение боевой задачи.

— Ну что, вы выяснили, чем русские смогли подбить наши самолеты? — любопытствовал Браун, подливая собеседнику ароматный кофе.

Интендант нервно оглянулся, хотя за спиной у него находилась стена, и прошептал:

— На самом деле их никто не сбивал.

— Как же так, — не поверил Эрих, — я сам там проезжал и видел разбросанные обломки «юнкерсов».

— Дело в том, что они сами упали.

— Как это сами? Все три сразу?

— Ну, честно говоря, русские им немного помогли. После того, как мы заняли эту территорию, представители авиаполка внимательно осмотрели место падения и обнаружили довольно необычные макеты. Там были повозки и пушки, только сделанные не в натуральную величину, а уменьшенные раза в два. Даже имелся тряпичный пони, издалика похожий на настоящую лошадь.

Лейтенант пару минут обдумывал услышанное, однако все равно не смог понять причин такого самолетопада.

— Послушай, ведь на современных самолетах есть уйма всяких приборов. Я слышал, что «штуки» вообще должны выходить из пикирования автоматически, без участия пилотов.

— Хм, приборы у них действительно есть, и при снижении до высоты пятисот метров раздается предупредительный гудок. Да только ведь опытный летчик

больше верит своим глазам, чем ненадежным механизмам. Погода в тот день была ненастная. Видя, что все небо в тучах, летчики уже заранее настроились на то, что давление может упасть, а значит, высотомер покажет неправильное значение.

— Ну хорошо, пилоты были обмануты оптической иллюзией, — согласился Браун. — А почему же все-таки не сработал автомат вывода самолета из пикирования?

— Там есть один маленький нюанс. Во-первых, когда самолеты шли к цели в условиях облачности, то летчики могли заранее и не знать, с какой высоты им придется бомбить, и потому вообще не включили автомат. Ну а самое главное, даже если он включен, то для его активации нужно сначала сбросить бомбы.

— Интересно, и почему же погибшие летчики их не сбросили? Я полагал, что реакция у них должна быть мгновенная. Да и к тому же, насколько я понимаю, освободившись от груза, самолет сможет быстрее подняться.

— С реакцией у них все в порядке, но у пилотов уже выработан рефлекс — сбрасывать бомбы, только тщательно прицелившись. Это артиллеристам хорошо. Если что не так, они разряжают свое оружие выстрелом. Им-то все равно, еще сотни снарядов привезут. А вот «юнкерсам» за новой партией бомб приходится лететь обратно на аэродром, а потом снова проходить сквозь зенитный огонь противника. Чтобы действовать вопреки этой устоявшейся привычке, нужно время, ну хотя бы несколько секунд, для принятия логичного решения. А когда в запасе остались только доли секунды, то тело действует само, по годами отработанной схеме. Но слишком много нужно сделать, чтобы вручную вывести самолет из пикирования — управлять рулем высоты, регулировать сек-

тор газа, открыть шторы радиатора, переключать шаг винта. — Видно было, что общение с авиаторами обогатило лексикон снабженца новыми словами, и теперь он старался блеснуть своей эрудицией. — И заметьте, все это при огромной пятикратной перегрузке. Так что не стоит удивляться, что, не имея запаса высоты, несколько самолетов все-таки врезались в землю.

Но помимо познавательных бесед, у Брауна еще имелось много других обязанностей. Вот и сейчас содержательный разговор неожиданно пришлось прервать. Лейтенанта попросили сопроводить ящик с важными документами, который требовалось доставить в штаб корпуса. В ту сторону как раз направлялся попутный грузовик.

Поездка была довольно неприятной. Мало того что они ехали вдвоем по лесу, где могли скрываться партизаны, так еще все вокруг было покрыто снегом. В нормальных странах снежок появляется только к Рождеству, а здесь, в дикой России, он выпал уже в октябре. Еще сильнее Эриха раздражал водитель. Какой-то солдат, а смотрит на лейтенанта с наглой ухмылкой, как фельдфебель на новобранца.

Издали заметив какие-то фигуры, лейтенант, чувствовавший себя неуютно в этом лесу, достал пистолет. Уж больно густые заросли были по сторонам от дороги, место для засады просто идеальное. Но к счастью, это оказался пост фельджандармерии.

— Вот уж не думал, что так обрадуюсь цепным псам, — смущенно пробормотал Эрих. — И как они не боятся стоять тут втроем.

Впрочем, патруль был усиленным. Вместо положенных карабинов все жандармы были вооружены автоматами. Остановив грузовик, унтер вежливо попросил лейтенанта выйти из машины и предъявить документы.